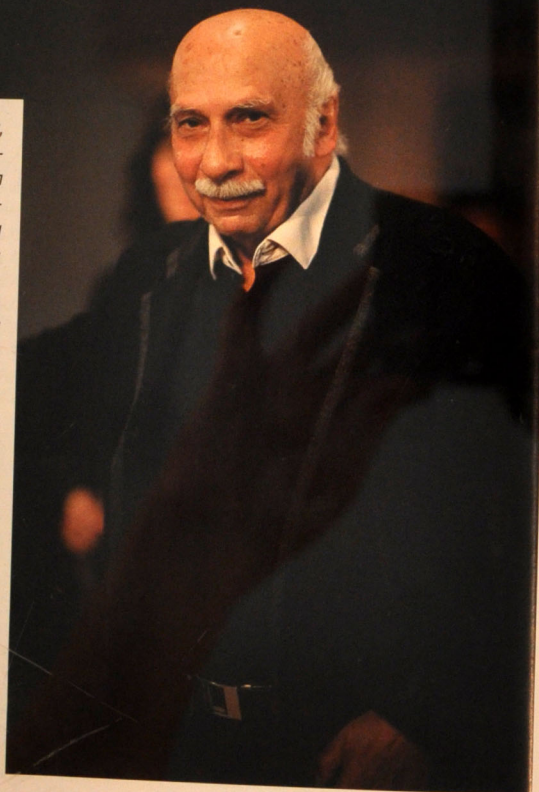

МУЗЫКА ДЛИННОЙ В ЖИЗНЬ

Гия Канчели символизирует собой
все лучшее, что есть в Грузии.

М.Л.Ростропович

"Горький поднял голову, привычным движением растопыренных пальцев откинул длинные волосы со лба, наклонившись к сидевшему рядом Бунину, прозудел еле слышно: "Как он умеет слышать тишину... Просто чудо!" – приведенная цитата из книги "Рахманинов" Н.Бажанова открывает целый мир рахманиновского "чуда тишины" – поэтичного, своеобразного, абсолютно уникального. Возникает закономерный вопрос: почему, взявшись писать статью о выдающемся грузинском композиторе Гии Канчели, автор начал с Сергея Рахманинова? Все дело в тишине – той совершенно разной, но тишине, которая делает музыку этих двух разделенных границей времени композиторов – так непохожих друг на друга ни в жизни, ни в творчестве – столь узнаваемой и неповторимо своеобразной

Народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и Грузии, кавалер Ордена Чести Грузии, обладатель ряда почетных премий, академик Российской академии кинематографических искусств – выдающийся грузинский композитор Гия Канчели отметил в 2015 году свое 80-летие. К празднованию знаменательной даты Гия Александрович подошел творчески: совершил концертное турне, в рамках которого во многих странах мира с триумфальным успехом были исполнены его знаменитые произведения. Одним из городов, где состоялся юбилейный концерт композитора, стал Баку – город, с которым у Г.Канчели связаны самые теплые воспоминания.

Наша беседа с Гией Александровичем состоялась уже после его авторского концерта, проведенного на сцене Азербайджанской государственной филармонии. "Мою музыку нелегко и исполнять, и слушать. Здесь много медленных темпов, тянущихся пауз, длинных нот, – как бы раздумывая, говорит Г.Канчели. – Помнится, в свое время, очень известный композитор опубликовал статью в журнале "Советская музыка", в которой на-

Николоз Рачвели

писал: "Концерт Гии Канчели порадовал бы наших врагов из капиталистических стран". Один из немногих, кто встал в то непростое время на мою защиту был Гара Гараев. Такое не забывается! Для меня ценно и важно, что здесь, в Баку, я почувствовал любовь и уважение к моему творчеству. Было волнительно получить юбилейный Почетный адрес от Союза композиторов Азербайджана, который вручила мне председатель этой творческой организации, композитор Фирангиз Ализаде. С огромной благодарностью воспринял весть о присвоении мне звания Почетного профессора Бакинской музыкальной академии имени Узеира Гаджибеги, озвученную ректором этого вуза Фархадом Бадалбеги. Меня до глубины души тронуло старание и желание исполнить мои произведения на высоком уровне, за что я бесконечно благодарен исполнителям Азербайджанского Государственного симфонического оркестра имени Узеира Гаджибеги, его блистательному художественному руководителю и главному дирижеру Рафу Абдуллаеву. Не буду скрывать, было радостно видеть на азербайджанской сцене и моих соотечественников – замечательных молодых музыкантов Николоза Рачвели и Георги Цагарели. Николоз – уникальный человек, который пришел в этот мир явно с определенной миссией –

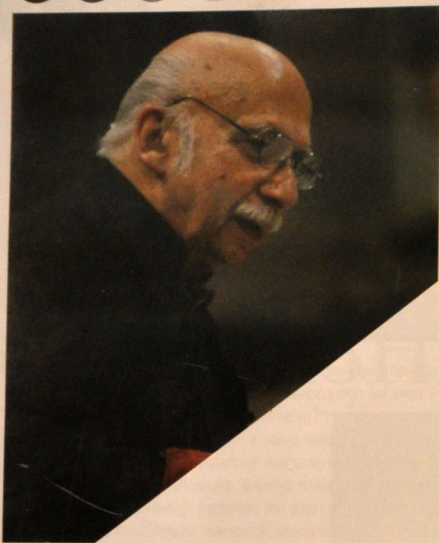
Рафу Абдуллаев

служить музыке. Он талантливый дирижер, пианист, джазмен, к тому же прекрасный организатор. В настоящее время Николоз возглавляет Грузинский государственный симфонический оркестр, и, должен сказать, что на таком хорошем уровне, как сейчас, оркестр не играл последние два десятилетия. Мои сочинения исполняли лучшие альтисты мира – мне есть с чем сравнивать, и я горд, что молодой грузинский исполнитель на альте Георги Цагарели исполняет мою музыку ничуть не хуже, а, возможно, и лучше многих знаменитостей".

Георги Цагарели

Будучи маститым композитором Г.Канчели никогда не позиционирует себя в качестве "истины в последней инстанции": "Я не преподаю, не занимаюсь нравоучениями, наставлениями, не высказываю особых пожеланий. Но с позиции своего возраста и профессионального опыта, с полной уверенностью могу говорить, что между представителями различных художественных направлений абсолютно не нужны споры, так как ни к какому результату они все равно не приведут. Время само расставляет правильные

акценты: если в искусстве появляется яркая индивидуальность, то эта личность становится принадлежностью определенной культуры или завоевывает мировое пространство".

— Гия Александрович, вы говорите, что не преподаете, не даете наставлений, но молодежь тянется к вам, с удовольствием исполняет вашу музыку, в чем мы смогли убедиться на примере Николоза Рачвели и Георги Цагарели...

— Все не так гладко, как кажется. Согласен, среди исполнителей есть немало талантливой молодежи, а на композиторский факультет не поступают. И это плохо, потому что обстоятельства могут сложиться так, что традицию просто некому будет продолжать. Сегодня молодежь больше увлекается электронной музыкой, когда, условно говоря, четыре удачно подобранных аккорда дают их "авторам" гораздо больше возможностей для существования, чем тем, кто напишет, к примеру, хорошую фугу. Насколько я знаю, в Азербайджане функционируют два музыкальных вуза, хочется надеяться, что с композиторским образованием дела у вас обстоят лучше.

— Считается, что для успешной карьеры одного таланта мало, необходима удача, везение...

— Знаете, а ведь я могу считать себя очень везучим человеком, так как в творчестве рядом со

мною был такой дирижер как Джансунг Кахидзе. В молодости я серьезно интересовался джазом, и кто знает, стал бы я композитором или нет, если бы не судьбоносная для меня встреча с этим гениальным дирижером и человеком. Приведу лишь один пример: представьте, как-то у Джансунга забараклила машина — могла ехать только назад, а ему надо было передать лекарство — не раздумывая, так и поехали Равнодушие и Джансунг были совершенно несовместимы, что находило отражение и в его творческой деятельности.

О том, какой он был дирижер, можно вообще ничего не говорить, а лишь произнести его имя. Работа Кахидзе за дирижерским пультом была сродни мастерству великих скульпторов. Он брал, в частности, мою музыку и "валял" из нее образы. Его интерпретации были столь совершенны, что порой невольно возникала мысль: "Неужели, это моя музыка!". Ни у Сильвестрова, ни у Денисова, ни у Губайдулиной — ни у кого из моих знаменитых современников не было такого музыканта, как Кахидзе, а мне посчастливилось встретиться с ним еще в консерваторские годы. Джансунга, к великому сожалению, уже давно нет с нами. Это большая потеря... Приезжая в Тбилиси, я обязательно посещаю его могилу, где вспоминаю, вспоминаю...

— Гия Александрович, вы уже почти полтора десятилетия живете за границей. Удалось ли вам полностью адаптироваться к новым условиям жизни?

— В самом начале пресловутых 90-х с семьей действительно уехал за границу, но эмигрантом себя не считаю. В свое время я так часто выезжал поработать в Домах творчества, что и теперь чувствую себя, приблизительно, как и тогда. С чем связан мой отъезд? Не вдаваясь в подробности, скажу, что 90-ые годы прошлого века — простое время для всего постсоветского пространства, в том числе и Грузии. В 1991 году, получив на один год стипендию немецкой Академии искусств, я вместе с семьей выехал в Берлин, где мне были предоставлены, прямо скажем, роскошные условия. Год пролетел незаметно. Пришло время возвращаться домой, а в Тбилиси назревала грандасная война,

происходило многое из того, что было для меня неприемлемо. Я не выношу национализма и даже его каких-то проявлений. Представьте, до чего дошло: Кахидзе дали указание убрать из репертуара все, что не имеет отношения к грузинской музыке! К счастью, я получил в это время предложение из Бельгии и вместе с семьей переехал в Антверпен, где и живу по сей день.

— Благодаря социальным сетям информация о ваших блестящих успехах быстро распространяется, и мы имеем пусть приблизительную, но все же, возможность проследить вашу творческую деятельность...

— Спасибо. Скажу совершенно искренне, я не афиширую исполнение моих произведений, свое участие в фестивалях, поэтому некоторые мои коллеги и даже из Грузии не могут понять, как и на что я живу за границей. Недавно, в очередной раз полюбопытствовали, и я ответил, что из Грузии мне присылают кукурузную муку, а я ее в Антверпене продаю.

— А если серьезно, то сравнительно недавно написал сочинение для Национального оркестра Бельгии и назвал его тремя шумерскими словами: "Ну Му Зу", что означает: "Я не знаю". Да-да, в свои уже 80 лет, я понял, что ничего не знаю о мире, в котором мы живем, и все еще продолжаю его познавать. В связи с усилением террористических актов, практически по всему миру, по инициативе Сизтлского симфонического оркестра было решено дать возможность этому произведению "пойти по миру", и в первый же день было зафиксировано 1400 прослушиваний.

— Значит ли это, что ваше творчество в своей основе является отражением личностной гражданской позиции?

— Представьте себе человека, который (не буду придергиваться детальной последовательности) жил при Сталине, застал хрущевскую оттепель, перестройку, распад Союза, дожил до настоящего времени...

— Вы говорите о себе?

— И о себе тоже. Весь этот симбиоз жизненных впечатлений — и хороших, и, скажем, совершенно противоположных — прямо или косвенно подсказывает мне то, что я пишу и о чем пишу. Художнику сложно отвернуться от действительности, независимо от того, участвует он в том или ином процессе или нет. Во всяком случае, я чувствую именно так.

— "Я не знаю никого, у кого было бы так мало нот и так много музыки!" — отмечает видный музыковед Валентина Конен. Как вы считаете, сложно ли исполнять музыку, в которой мало нот, много пауз и еще больше музыки?

— Я всегда слушаю свои произведения, настроившись на критическую "волну", и это притом, что работа над каждой симфонией продолжалась от двух до трех лет. Долго? Но оправданно, так как я ставил перед собой цель добиться в каждом отдельном случае совершенства музыкальной драматургии.

Вот вы говорите о паузах. А что такое пауза? Время мол-

чания. Но это молчание должно быть значимым, уводящим в тишину, заполненную воображаемой музыкой. В таком случае, пауза есть продолжение музыки или начало последующего музыкального движения. Мою музыку действительно сложно исполнять и нелегко воспринимать. Потому-то я и не удивляюсь, что для широкой аудитории постсоветского пространства я больше известен как автор киномузыки, а на Западе, к счастью, мало кто знает, что я работаю в кино, там больше знакомы с моими симфоническими произведениями.

— Я написал музыку приблизительно к 60-ти фильмам, но названия 40 из них, так же, как и о чем они, не помню. Неоднократно убеждался, что для многих мое имя ассоциируется, прежде всего, с песней "Что-то грито" из фильма Даниили "Мимино" или с музыкой к фильму "Кин-дза-дза". И это — вполне естественно, ведь кино смотрят миллионы, спектакли — тысячи, симфонические концерты посещают сотни, а камерные — и того меньше. Признаюсь, я не отказывался от слабых сценариев, так как гонорары в Советском Союзе были одинаковы и для хорошего фильма, и для плохого. Работа с Георгием Даниили, Робертом Стурра — нелегкий процесс, занимающий в каждом отдельном случае несколько месяцев, а иногда и год. А на слабые фильмы уходило всего недели две. Меня неоднократно спрашивали, зачем я брался за работу над музыкой к фильмам, изначально зная о его слабом уровне. Мне была необходима материальная независимость, которая позволяла работать над симфониями, каждую из которых, как уже говорил, писал по два-три года.

— Гия Александрович, вас называют "маэстро тишины". Вы успешный, признанный композитор, у вас сложилась жизнь. Почему вы грустите, о чем ваша "тишина"?

— Не знаю. Я просто стараюсь уйти в тишину, в которой рождается музыка... Музыка Тишины. Расшифровать, о чем она — пытаются многие.

— У меня на памяти "формулировка" немецкого композитора и дирижера Удо Циммермана, который, рассматривая вашу "музыкальную тишину" как своеобразный творческий "бренд", отмечает: "Канчели не только скорбит, он еще и предостерегает, кричит, протестует, как будто, желая призвать всех воспротивиться насилию, где и в каких бы обстоятельствах оно не представляло". Ваше творчество доказывает справедливость сказанного: в опере "Музыка для живых" вы поднимаете актуальнейшую тему сохранения жизни на земле, трактуя ее в эмоционально новаторском решении. Вслед за этим сочинением появилось еще одно антивоенное произведение — "Светлая печаль" (для солистов, детского хора и большого симфонического оркестра), посвященное детям — невинным жертвам второй мировой войны. Обще-